
Турция в дипломатии Н. С. Хрущева (1954–1964 гг.)

Свилас С. Ф.

*Белорусский государственный университет,
факультет международных отношений,
кафедра международных отношений,
кандидат исторических наук, доцент*

Отношения государств-соседей – Советского Союза и Турции – на протяжении «хрущевского» периода исследовал представитель советской историографии профессор Б. М. Поцхверия [3], на основе рассекреченных архивных документов и новейшей историографии проблемы их изучали азербайджанский историк профессор М. Гасымлы [2] и российский исследователь Ар. Улунян [8]. Крупнейшим специалистом по истории «холодной войны Хрущева» является академик РАН А. А. Фурсенко [10], который впервые в мировой историографии детально на основе уникальных источников разработал вопрос о «турецких» ракетах в Кубинском кризисе. Сюжет о Турции во внешнеполитической деятельности Н. С. Хрущева предлагается впервые, при этом автор, опираясь на эмпирическую базу советской историографии и современные доступные ему публикации [5], показывает значимость Турции во внешней политике Советского Союза, отказавшегося от территориальных претензий, выявляет проблемы и прослеживает эволюцию отношений в направлении добрососедства и доверия. Многолетнее исследование архивных материалов МИД Республики Беларусь [1] позволяет документально подтвердить, что на сессиях ГА ООН турецкая дипломатия поддерживала США, а белорусская – Советский Союз, в том числе по сирийскому и кипрскому вопросам. Академик А. А. Фурсенко отмечал, что Н. С. Хрущев не был одномерной фигурой: носителем «волюнтаристской» дипломатии, он был крупным государственным деятелем, который заботился о национальных интересах страны. Его вера в конечную победу коммунизма была наивной. Он был тем, кого называют *true believer* (правоверным). Хрущев мечтал о крупномасштабном военном соглашении с Союзенными Штатами, которое позволило бы перенаправить советские ресурсы в экономику. Для того, чтобы этого добиться, он прибегал как к

угрозам, так и к мирным инициативам [9, с. 120], причем это относилось и к такому союзнику США, как Турция.

Во время ВМВ Турция придерживалась позиции нейтралитета, но в феврале 1945 г. объявила Германии войну, а в июне 1945 г. стала государством-соучредителем ООН. Советский Союз в марте 1945 г. денонсировал двусторонний договор 1925 г., выдвинул территориальные претензии (на Ардаган и Карс), а также потребовал пересмотра режима проливов. В 1947 г. Анкара приняла американскую военную и экономическую помощь в соответствии с доктриной Трумэна и планом Маршала. Президентом Турции в 1938–1950 гг. был соратник М. Кемалья, лидер народно-республиканской партии И. Инёню, а в 1950 г. победу на парламентских выборах одержала созданная уже после войны демократическая партия, выступившая за большую свободу в развитии частного сектора и соблюдение демократических свобод. Ее лидеры Д. Баяр и А. Мендерес стали соответственно президентом и премьером, находились у власти 10 лет (первый в качестве президента, а второй – премьера). В феврале 1952 г. Турция вступила в НАТО, причем США определенное время противились этому из-за нарушения в стране демократических свобод и закрытости экономики, где ведущую роль играл госсектор [7, с. 331–335].

О том, что у Советского Союза нет территориальных претензий к Турции, впервые заявил министр иностранных дел В. М. Молотов 30 мая 1953 г. Анкара, пережившая непоследовательность внешней политики советской Москвы, ответила холодно. В заявлении министра иностранных дел СССР Д. Т. Шепилова в Верховном Совете СССР (февраль 1957 г.) говорилось о стремлении советского правительства к установлению с Турцией искренних добрососедских отношений, несмотря на участие последней в военных блоках. Однако правительство А. Мендереса исходило из того, что потепление возможно только при улучшении отношений между Москвой и Вашингтоном [3, с. 16–17]. На сессии Верховного Совета СССР 28 декабря 1955 г. Н. С. Хрущев заявил: «Известно, что, когда у руководства Турцией стояли Кемаль Ататюрк и Исмет Инёню, у нас были с ней очень хорошие отношения, но потом они были омрачены. Мы не можем сказать, что это произошло только по вине Турции, были допущены и с нашей стороны неуместные заявления, которые омрачали эти отношения» [8, с. 166]. Только весной 1960 г. была достигнута договоренность об обмене визитами глав правительств. Осуществление этой договоренности было отодвинуто государственным переворотом 27 мая 1960 г. [3, с. 17].

Улучшению отношений не способствовала поддержка Москвой Дамаска в конфликте с Анкарой. Сирия, где к власти в 1955 г. пришла партия Баас, в правительство которой вошли коммунисты, претендовала на турецкую провинцию Хатай, которую рассчитывала отнять с использованием советского оружия (соглашение о поставках было подписано в августе 1955 г.). Ответом на «коммунистическую угрозу» стал турецко-американский план превентивного нападения. 10 сентября 1957 г. советское правительство предупредило Турцию о том, что в случае ее участия в военных операциях против Сирии она понесет ощутимый урон и потеряет международный престиж. 19 октября 1957 г. ТАСС выступило с заявлением о том, что СССР не останется безучастным к военной провокации, готовящейся в непосредственной близости от его границ [2, с. 28–29; 5, с. 224–225].

Учитывая концентрацию турецких войск на сирийской границе, правительство Сирии, по совету советского правительства, внесло 16 октября 1957 г. на рассмотрение XVII сессии ГА ООН в качестве срочного вопрос «Об угрозе безопасности Сирии и всеобщему миру» и потребовало направить на сирийско-турецкую границу комиссию ООН. Важное значение на ход обсуждения сирийского вопроса имело интервью Н. С. Хрущева, данное корреспонденту газеты «Нью-Йорк таймс» Д. Рестону, с резкой критикой политики США по отношению к Сирии и предупреждением Турции о том, что СССР окажет помощь жертве возможной агрессии [1, д. 358, л. 13–14]. Глава белорусской делегации К. В. Киселев выступил по сирийскому вопросу 28 октября 1957 г., о чем сохранилась стандартная запись: «В своем выступлении он вместе с представителями Советского Союза и стран народной демократии высказался за укрепление мира и безопасности в районе Ближнего и Среднего Востока, в защиту суверенных прав Сирии и национально-освободительного движения арабских стран» [1, д. 367, л. 48]. США и Турция были вынуждены выступить на ГА с заявлениями о том, что у них нет агрессивных намерений в отношении Сирии [1, д. 358, л. 14]. В сентябре 1959 г. во время визита в США Хрущев заявил их представителю при ООН Г. К. Лоджу, что СССР располагал полной информацией о подготовке Турции к военной акции против Сирии [8, с. 239].

Роль Турции в военно-политической системе Западного блока и ее значение для США повысились после выхода Ирака из Багдадского пакта (март 1959 г.), переименованного в СЕНТО со штаб-квартирой в Анкаре, тогда же было подписано двустороннее американо-турецкое Соглашение о военном сотрудничестве. 25 июня 1959 г. СССР обратился к государствам региона с призывом превратить Балканский полуостров и Адриатику в зону свободную от ядерного оружия. До этого советская сторона

активно выступала с предупреждениями в адрес Турции (а также Греции и Италии) об опасности размещения ядерного оружия и баз НАТО на их территории [8, с. 227, 238].

В октябре 1959 г. состоялся официальный визит премьера А. Мендереса и министра иностранных дел Ф. Р. Зорлу в США, а в декабре того же года – визит Президента США Д. Эйзенхауэра в Турцию. Полученные Турцией от США 2,9 млрд долл. представляли колоссальную сумму для второй половины 1950-х гг., но недостаточную для проведения модернизации, причем американцы были недовольны использованием выделенных средств (в частности, на строительство широких шоссе-дорог) [8, с. 231 – 232, 243, 247]. Весной 1960 г. Турция, рассматриваемая канцлером ФРГ К. Адэнауэром как стратегический партнер Бонна в средиземноморско-балканском регионе, получила срочную экономическую помощь и от ФРГ (в размере 147 млн марок). 2–4 мая 1960 г. в Стамбуле встретились министры иностранных дел государств-членов НАТО, однако А. Мендерес остался в Анкаре, поскольку в стране начались массовые антиправительственные выступления, завершившиеся государственным переворотом [8, с. 251]. Исследователь А. Улунян важнейшим внешнеполитическим результатом десятилетнего правления демократической партии называет окончательное обретение Турцией статуса малой региональной державы [8, с. 10].

27 мая 1960 г. в результате переворота к власти пришел генерал К. Гюрсель, бывшие руководители страны были казнены, а демократическая партия распущена. Переворот был неожиданностью и для СССР, и для США. В программе нового правительства (август 1960 г.) было подчеркнуто значение для Турции НАТО и СЕНТО, дружественных связей с союзниками, особенно с США, а также стремление развивать отношения с соседями, в частности, с СССР. Новая конституция, принятая через год после переворота, провозгласила демократические свободы, отмену цензуры, принцип разделения властей, многопартийность. Был восстановлен особый статус военных в государстве. Крупнейшими партиями стали созданная еще Кемалем и находившаяся десять лет у власти народно-республиканская (до 1965 г. она доминировала) и партия справедливости, возникшая на базе распущенной демократической партии. В результате выборов в октябре 1961 г. К. Гюрсель стал президентом, а исполнительную ветвь власти возглавил вернувшийся в большую политику И. Инёню [3, с. 18; 7, с. 253].

Новое правительство генерала К. Гюрселя было признано Москвой уже на четвертый день, 31 мая 1960 г. Во время встречи посла СССР

Н. С. Рыжкова с генералом была высказана уверенность, что внешняя политика Турции будет опираться на принципы Ататюрка. В июне 1960 г. Н. С. Хрущев направил К. Гюрселю письмо, в котором выразил надежду на нормализацию отношений и высказал пожелание, чтобы Анкара проводила самостоятельную внешнюю политику без оглядки на НАТО. В ответном послании К. Гюрсель признал необходимость нормализации отношений, но турецкой прессой послание Хрущева было расценено как вмешательство во внутренние дела страны. В марте 1961 г. в связи с 40-летием советско-турецкого Договора о дружбе и братстве глава турецкого государства обратился к советским руководителям с посланием, в котором выражалась уверенность в развитии добрососедских отношений, основанных на взаимном уважении. В ноябре 1961 г. Глава нового правительства И. Инёню и министр иностранных дел С. Сарпер также заявили о необходимости улучшать отношения с СССР. Турецкая общественность в большинстве высказывалась за улучшение отношений, прежде всего, в целях развития экономики страны [2, с. 19; 3, с. 19].

Советский Союз, имевший протяженные морские и сухопутные границы с Турцией, а также осуществлявший торговлю через турецкие порты, был обеспокоен продолжавшимся усилением влияния США в стране. Для обеспечения выполнения пятилетнего плана экономического развития (1963–1967 гг.) турецкое правительство получило от Вашингтона кредит в 1,5 млрд долл. В выступлении по румынскому телевидению в 1962 г. Н. С. Хрущев, несмотря на близкую перспективу советских закупок зерна за границей [10, с. 76], иронично заметил, что в 1948 г. доля промышленности в национальном доходе Турции составляла 10,5%, а в 1960 г., после 12 лет получения американской помощи, – 10,9%, т. е. страна осталась сельскохозяйственной, более того, была вынуждена экспортировать хлеб: «От такой, с позволения сказать, помощи, не только руки, но и ноги протянешь» [2, с. 20]. Еще при А. Мендересе с американских военных баз в Турции в СССР направлялись самолеты-разведчики. В ответе турецкого правительства от 24 мая 1960 г. на советскую ноту в связи с уничтожением У-2 в небе над Уралом отмечалось, что самолет совершил правонарушение спустя три дня после того, как покинул Турцию (с территории Пакистана – С.С.), в то время как советские самолеты не раз залетали в воздушное пространство страны [2, с. 20–21].

Нигде в мире американские военные базы не были расположены так близко к советским границам, как в Турции. Их территория составляла 35 тыс кв. км, в стране к концу рассматриваемого периода находилось до 50 тыс американских военнослужащих. В районе Измира более

4 тыс американцев были заняты строительством базы для запуска ракет средней дальности «Юпитер». Полностью снаряженные американские атомные бомбы появились здесь в 1959 г. Двусторонний договор об обучении турецких военных правилам обращения с атомным оружием был заключен 5 марта 1960 г., в конце того же года началась его передача. [2, с. 20–21; 4, с. 258]. В заявлении советского правительства министру иностранных дел Турции С. Сарперу от 3 февраля 1961 г. высказывалась тревога в связи со строительством американских ракетных военных баз, которое осуществлялось в соответствии с декабрьским 1957 г. решением Совета НАТО. В ответной ноте от 25 февраля Анкара подчеркнула необходимость обеспечить собственную безопасность в связи с появлением у СССР межконтинентальных баллистических ракет. Азербайджанский исследователь М. Гасымлы справедливо отмечает, что американские военные базы, вылет с них самолетов-разведчиков являлись отрицательным фактором для развития советско-турецких отношений. Н. С. Хрущев заявлял, что наличие американских военных баз превратило Турцию в мишень для возможного советского удара [2, с. 21–22, 24]. Негативный резонанс в СССР вызвали преследования учителей, одобрительно отзывавшихся об успехах Советского Союза в освоении космоса [3, с. 21]. Подчеркнем, что дружба США с крупнейшей мусульманской страной ослабляла влияние СССР в мусульманском мире [2, с. 24].

В начале 1962 г. Президент США Д. Кеннеди поручил госсекретарю Д. Раску обсудить с представителями Турции вопрос о целесообразности сохранения 330 ракет «Юпитер» (к тому времени они устарели), что вызвало протест турецкой стороны. Еще одна безуспешная попытка была предпринята во время пребывания Д. Раска в Европе летом того же года, а в августе президент предложил министерству обороны дать заключение относительно возможности отказа от ракетных баз в Турции в связи с активизацией советского блока на Кубе в качестве обменной операции. Вопрос об обмене неоднократно возникал на заседаниях исполкома Совета национальной безопасности – чрезвычайного органа по урегулированию кубинского кризиса, созданного при президенте, – причем бывший посол в СССР Л. Томпсон считал обмен демонстрацией слабости США, а министр юстиции Р. Кеннеди и министр обороны Р. Макнамара не разделяли эту точку зрения. 17 октября 1962 г. представитель США в ООН Э. Стивенсон подал в Совет специальную записку, предлагая рассмотреть возможность вывоза американских ракет «Юпитер» из Турции в обмен на вывоз советских ракет с Кубы [10, с. 398–399].

23 октября 1962 г. журналист Ф. Хоулмен по поручению Р. Кеннеди встретился с неофициальным связным Кремля, сотрудником советского посольства Г. Н. Большаковым. Он информировал о том, что американское руководство рассматривает в числе возможных причин действий СССР в отношении Кубы стремление ответить на создание Соединенными Штатами баз в Турции и Италии. В связи с этим предлагалось обсудить сделку: США ликвидируют свои ракетные базы в Турции и Италии, а СССР – на Кубе. Одновременно с Ф. Хоулменом аналогичное предложение выдвинул известный обозреватель «Вашингтон пост» У. Липпман. В то же время «Нью-Йорк таймс» и «Вашингтон пост» считали вероятной компенсацией Москве уступки в германском вопросе. 25 октября Д. Раск подверг критике статью У. Липпмана и опроверг сообщения о готовности правительства США поменять советские базы на Кубе на американские в других странах. Накануне указанных публикаций и встречи госсекретарь направил телеграмму американскому послу в Анкаре, а также постоянному представителю США в Совете НАТО, поручив им выяснить возможную реакцию Турции и других союзников на возможную сделку. Из Анкары 26 октября в ответ на запрос Д. Раска поступило сообщение от американского посла о том, что торг вызовет у турецкого правительства возмущение [10, с. 397, 400–401].

В одобренном Президиумом ЦК КПСС послании Н. С. Хрущева американскому президенту от 27 октября 1962 г. содержалось ожидаемое Вашингтоном предложение вывести советские ракеты с Кубы в обмен на обязательство США не нападать на остров и ликвидацию «Юпитеров» в Турции [5]. При этом советское руководство не исключало, что если предложение не будет принято, то по Турции может быть нанесен удар. Турецкие вооруженные силы были приведены в состояние боевой готовности, подготовлена эвакуация населения крупных городов Анкара, Истамбул и Измир. С начала кризиса американские ракеты в Турции также находились в состоянии боевой готовности. 27 октября 1962 г. на заседании исполкома СНБ вице-президент Л. Джонсон, заместитель госсекретаря Д. Болл и директор ЦРУ Д. Маккоун заявили, что предложение Хрущева представляет выгодную сделку: если бы он решил торговаться по Берлину, то было бы хуже. В тот же день Совет НАТО был уведомлен о том, что американское правительство снимает боеголовки с «Юпитеров», если не будет возражений со стороны членов альянса [10, с. 402–403].

27 октября 1962 г. состоялась также встреча Р. Кеннеди с советским послом А. Ф. Добрыниным, на которой брат президента подчеркнул,

что главная трудность заключается в публичном обсуждении вопроса о Турции. Ракетные базы в стране были размещены по специальному решению Совета НАТО, президент не мог односторонним решением объявить о вывозе ракет, а для ликвидации ракетных баз необходимо 4–5 месяцев. А. Ф. Добрынин в ходе дальнейших конфиденциальных переговоров предлагал оформить договоренность официальным соглашением с правительством США в виде обмена письмами, но Р. Кеннеди ответил отказом и просил держать в строгом секрете договоренность. 28 октября из Москвы был получен положительный ответ о согласии на вывоз 44 советских ракет с Кубы [10, с. 404–406].

В постановлении Президиума ЦК КПСС от 29 октября 1962 г. подчеркивалось, что советское руководство рассматривает договоренность о турецких ракетах как строго секретную, поэтому, выступая на пленуме ЦК по итогам Кубинского кризиса, Н.С. Хрущев не говорил о «турецких» ракетах. Вместе с тем «в осторожной форме советское руководство дало утечку информации, чтобы показать, что в итоге Кубинского кризиса оно не так уж сильно проиграло, как это стремились показать средства массовой информации на Западе» [10, с. 407].

В результате Кубинского кризиса произошло значительное охлаждение отношений Турции и США. По замечанию французского посла в Анкаре, «турки неожиданно обнаружили, что отдаленный конфликт, который их непосредственно не касается, может подвергнуть страну серьезной опасности» [10, с. 407]. Вашингтон отказался удовлетворить просьбу о срочном оказании экономической помощи, снижении доли турецких расходов по содержанию воинских частей, переданных в распоряжение НАТО. Правительство И. Инёню сочло поведение американцев предательством. Турецкие власти выразили заинтересованность в том, чтобы ракеты «Юпитер» оставались в Турции до оснащения 6-го американского флота подводными лодками с ракетами «Поларис». Однако, в конечном итоге, 27 марта 1963 г. соглашение было достигнуто и с Турцией – ракеты демонтированы и вывезены в район Франкфурта-на-Майне. Таким образом, американо-советская договоренность о ракетных базах в Турции была реализована в апреле 1963 г., через пять 5 месяцев после Кубинского кризиса [2, с. 26–27; 9, с. 410–411]. Согласимся с профессором М. Гасымлы, что «в борьбе двух глобальных лидеров – СССР и США – от Турции требовалась предельная осторожность и осмотрительность» [2, с. 28].

В программах всех трех коалиционных правительств И. Инёню (ноябрь 1961–февраль 1965 гг.) говорилось о намерении развивать добрососедские отношения с странами в соответствии с международными обяза-

тельствами, но его реализация в отношениях с Москвой происходила, как видим, достаточно сложно и медленно, несмотря на наличие экономического интереса. Турция ощущала дефицит электроэнергии, была вынуждена закупать нефть у СССР, поскольку собственной нефтедобычи не хватало (последнее вызывало недовольство США), испытывала сложности с экспортом сухофруктов и табака. Советско-турецкий товарооборот был незначителен (в 1964 г. он достиг лишь 1 млн долл.). В мае 1961 г. состоялось открытие завода оконного стекла в Чаирова, построенного с помощью Советского Союза. Такое строительство было исключением из общего правила: Анкара боялась коммунистической пропаганды. Несмотря на старания соседней коммунистической Болгарии, советскую помощь слабой турецкой компартии, в стране отсутствовала благодатная почва для коммунистических идей. В апреле 1961 г. было подписано соглашение, регламентировавшее перевозки грузов и пассажиров через границу на участке Карс–Ленинакан (в рамках переговоров о прямом железнодорожном сообщении между СССР и Турцией), а в июне 1962 г. – Соглашение об установлении телефонной связи между СССР и Турцией (через Болгарию и Румынию). По мнению М. Гасымлы, установление доверия между двумя странами началось с 1963 г., когда была проведена прямая телеграфная линия и подписано Соглашение о строительстве плотины на реке Арпачай. Летом 1963 г. состоялась первая за четверть века поездка турецких парламентариев во главе с Председателем Сената Великого национального собрания С. Ургуплу в СССР, которую Анкара пыталась использовать как средство давления на своих союзников, привлекая их внимание к вопросу о возможности принятия советской экономической помощи, но безрезультатно: поток долларов из Вашингтона сокращался. Осенью 1963 г. в СССР состоялись официальные мероприятия в связи с 25-летием со дня смерти Ататюрка [2, с. 30, 35, 37; 3, с. 22, 23–25].

Переходу турецкой стороны к политике добрососедства с Советским Союзом способствовало сопоставление позиций Москвы и Вашингтона по кипрской проблеме. Независимость Республики Кипр, бывшей британской колонии, была провозглашена в августе 1960 г., гарантами выступили Англия, Турция и Греция. Последняя добивалась эносиса, т. е. присоединения острова, а Турция – раздела Кипра и передачи ей части, населенной турками; на острове начались столкновения между греками (450 тыс) и турками (120 тыс). В январе 1964 г. премьер Турции И. Инёню направил письмо Н. С. Хрущеву и главам других государств о намерении Турции немедленно пресечь деятельность на Кипре греков-террористов, членов ЭОКА. Советский руководитель в своем ответе от 7 февраля от-

ричал необходимость вмешательства международных сил в конфликт на Кипре, предлагал мирное решение проблемы и осуждал террор, при этом подтвердил курс на развитие добрососедских отношений с Турцией. Одновременно советским премьером была послана телеграмма Президенту Кипра Макариосу с пожеланием победы в борьбе за сохранение территориальной целостности и независимости страны. В турецкой прессе развернулась критика такой позиции, поскольку Макариос рассматривался как враг турок; официальная Анкара даже отложила визит в Москву министра иностранных дел Ф. Эркина. Советский Союз устраивал независимый статус средиземноморского острова, поскольку и Греция, и Турция являлись членами НАТО, а в греческой общине на острове были достаточно сильны позиции «троянского коня Москвы» – коммунистической партии. Правящим кругам Турции импонировало, что Советский Союз решительно выступал против эносиса, но от своего союзника США они ожидали большего: решительного выступления против дискриминации, а порой геноцида киприотов-турок, однако этого не произошло. В резолюции СБ ООН от 4 марта 1964 г. были подтверждены независимость и территориальная целостность Республики Кипр, а иностранным державам рекомендовалось воздержаться от вмешательства в ее внутренние дела. 14 апреля 1964 г. на остров были направлены войска ООН для предотвращения межобщинных столкновений. 5 июня 1964 г. Президент США Л. Джонсон обратился с личным письмом к турецкому премьеру И. Инёню, в котором высказался против турецкого вторжения на остров, за мирное решение вопроса. Американцы считали, что территориальные уступки Турции будут провоцировать сближение Греции с СССР. В результате турецкое правительство вновь убедилось в необходимости коррекции внешней политики: больше самостоятельности, но без разрыва с НАТО [2, с. 31–33, 38–40; 6, с. 286–287].

Таким образом, к середине 1960-х гг. Анкара склоняется к последовательной реализации принципа добрососедства в отношениях с Москвой, хотя не обходилось и без проблем. В январе и июне 1964 г. самолеты с американских военных баз, расположенных в Турции, нарушили воздушное пространство СССР. Как угрозу собственной безопасности Советский Союз воспринял возможное участие Турции в многосторонних ядерных силах НАТО. 17 октября 1964 г. в турецкой ноте разъяснялось, что цели и характер многосторонних ядерных сил неправильно интерпретируются (они не являются национальными и носят оборонительный характер). Позже турецкое правительство заявило, что не будет в них участвовать, и СССР приветствовал этот шаг. Потепление в турецко-со-

ветских отношениях Вашингтон и часть турецкой политической элиты продолжали допускать только в контексте улучшения отношений США и других членов НАТО с Москвой. В СССР также имелись противники сближения, в частности, среди армян, которые опасались возрождения пантюркизма. Однако в итоге верх взял политический реализм, что нашло, в частности, отражение в решении турецкого правительства от 10 октября 1964 г. о прекращении взыскания пошлин за визу в Советский Союз [2, с. 40–41].

С 30 октября по 6 ноября 1964 г., вскоре после отставки Н. С. Хрущева, состоялся первый за предшествовавшую четверть века визит министра иностранных дел Турции Ф. Эркина в Советский Союз. Непосредственным поводом для визита стало недовольство правящих кругов Турции позицией ее союзников по НАТО в кипрском вопросе. Впервые в совместном советско-турецком коммюнике был упомянут принцип мирного сосуществования, ранее, особенно при режиме А. Мендереса, подвергавшийся критике. Была достигнута договоренность о расширении торговли, подписано культурное соглашение, которое, однако, сводилось в основном к обмену научной литературой. Обе стороны высказались за мирное решение кипрского вопроса на основе уважения суверенитета и территориальной целостности Республики Кипр, признания факта существования двух национальных общин на острове и соблюдения их законных прав. На следующий день после завершения московского визита Ф. Эркин на обеде в честь генерального секретаря НАТО М. Брозии потребовал «плату» за соблюдение дистанции в отношениях с Москвой – увеличения экономической и военной помощи своей стране [3, с. 25–30].

Автору статьи представляется убедительной точка зрения профессора М. Гасымлы о том, что после свержения правительства А. Мендереса (май 1960 г.) в советско-турецких отношениях начался период нормализации, установления по-настоящему добрососедских отношений, а к середине 1960-х гг. образовалась атмосфера доверия, взял верх политический реализм [2, с. 18, 40–42]. В это определенную лепту внесла и личная дипломатия Н. С. Хрущева, который, по оценке турецкой прессы, был «не похож на предыдущих советских лидеров и не соответствовал известным коммунистическим традициям» [2, с. 35].

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив МИД Республики Беларусь. – Ф. 907/3. – Оп. 3.
2. Гасымлы, М. Нормализация отношений СССР и Турции в 1960-е гг. /

- М. Гасымлы // Вопросы истории. – 2009. – № 4. – С. 18–44.
3. Поцхверия, Б. М. Внешняя политика Турции после второй мировой войны / Б. М. Поцхверия. – М.: Наука, 1976. – 306 с.
 4. Рукавишников, В. О. Холодная война, холодный мир / В. О. Рукавишников. – М.: Академический проект, 2005. – 862 с. По данным отчета History of the Custody and Deployment of Nuclear Weapons: July 1945 through September 1977. Office of the Assistant to the Secretary of Defense (Atomic Energy), February 1998.
 5. Свилас, С. Ф. Историография и источники по истории Карибского кризиса / С. Ф. Свилас // Бел. журн. междунар. права и междунар. отношений. – 2002. – № 4. – С. 45–53.
 6. Системная история международных отношений: в 2 т.: Т. 2. События 1945–2003 гг / Под ред. А. Д. Богатурова.. – М.: Культурная революция, 2006. – 720 с.
 7. Трошин, Ю. А. История стран Азии и Африки в новейшее время (1918–2000 гг.) / Ю. А. Трошин. – М.: Издательство «Весь мир», 2004. – 608 с.
 8. Улунян, Ар. А. Балканы: горячий мир холодной войны. Греция и Турция между Западом и Востоком (1945–1960 гг.) / Ар. А. Улунян. – М.: «Российские вести», 2001. – 283 с.
 9. Фурсенко, А. А. Новая книга по истории Карибского кризиса 1962 г. / А. А. Фурсенко // Новая и новейшая история. – 2006. – № 6. – С. 116–120.
 - 10.10. Фурсенко, А.А. Россия и международные кризисы / А.А. Фурсенко. – М.: Наука, 2006. – 547 с.